

О. В. Червинская
(Украина)

Интеллектуальный суверенитет провинции

Культурная значимость провинции, еще осознанная весьма приблизительно, начинает все-таки достаточно выпукло кристаллизоваться в гуманитарной области как социокультурный феномен (Императив...2004). Следует учитывать, что любая из империй имеет свою неповторимую, всегда впечатляющую «культурную композицию», зависящую от исторического времени, географии и контекста, со своим, немыслимым без провинции как таковой, несомненно сложным и особым «культурным ландшафтом» (парадигма М. Хайдеггера, популяризованная географом Ю. Ведениным¹). Разнородность имперских конфигураций доказана наличием многочисленных исторических примеров – от шумерской цивилизации до 5-тысячелетнего Китая с его исторически неизменной традицией, некогда собранного из разрозненных провинций в империю династиями Цинь и Хань, с выдающимися культурными и научными взлетами. Или империя Александра Македонского, которая на базе полисной системы начиналась с поглощения ослабленной нестроениями империи Персов. Или так называемая Священная Римская империя, Византия, Османская, Британская, Австро-Венгерская или Российская империи, а также многочисленные и разнородные (относительно принципов управления захваченными ойкуменами) так называемые кочевые империи, например, Монгольская, Тюркская или империя Гуннов во главе с Атилой, споры о которых всегда будут зоной наиболее пламенной полемики между историками.

Такие великие европейские колониальные государства нового времени, как Испания, Англия, Франция, покорив ойкумены других континентов, стали тем новым типом империй, в композицию которых включаются территориально отдаленные колонии, подчиненные метрополиям. В новейшие времена – любая из европейско-азиатских империй, недавний СССР, или всемогущие США – все эти формы имперского устройства также характеризуются своей неоспоримой идентичностью и специфическими отношениями между центром и имперскими окраинами. Отдельные исследования сегодня пытаются воспроизвести феномен провинции в различных проекциях – например, воспроизвести «социокультурный портрет провинции» в контексте конкретных, знаковых направлений (см.: Сайко 2004). Провинцию невозможно обозначить как принципиальную однородность. Н. Инюшкин справедливо акцентирует наличие многочисленных научных мифов вокруг этой парадигмы, выделяет понятие «универсум провинции», предлагая диалектический подход – как поиск «объективных и субъективных факторов» в ее

¹ См.: (Веденин 1990; Культурный ландшафт...2004).

описании, включая «менталитет, свойственный ее обитателям» (Инюшкин 2004: 41).

В целом, определение провинции не вполне отчетливое, несмотря на то, что эта лексема является вполне обыденной. В своем полемическом анализе идей Кембриджской школы «истории понятий» (с 70-х гг. XX в. деятельность Дж. Покока и его последователей Дж. Данна и К. Скиннера) М. Бивар справедливо отмечал, что все взвешенные рассуждения по поводу отдельных понятий в настоящий перспективе исторического дискурса предстают, скорее, определенной «эвристической максимой», возникающей преимущественно из «контекста релевантных традиций и дилемм» (Бивар 2010: 151-152). В данном случае, наша проблема возникает как специфическая относительно понятийного статуса провинции как неперменного компонента имперской парадигмы, и ее не следует совмещать с понятием колониальных земель, имеющих на первом этапе колонизации свой особый статус (этот вопрос справедливо заслуживает отдельного внимания и имеет собственные коннотации).

Провинция интерпретируется в парадигме так называемого имперского социума, который предполагает центр как руководящий критерий всех творческих программ, где провинция предстает в статусе обязательной составляющей в формуле целостной имперской композиции. Феномен империи, отсюда, включает в себя провинцию как выразительную константу. Таким образом, империю следует интерпретировать как неизменно функционирующую, «рабочую модель» определенной конфигурации на базе двух устойчивых компонентов – центра и периферии.

Парадигма имперской модели провиденциально повторяет контур монотеистической модели мироздания с различными связями между центром и самыми отдаленными окраинами. Таким образом, провинция (лат. *provincia* – область) находится в синкретическом единстве с центром, что и определяет ее безусловную значимость и онтологический статус. Ошибочным будет считать провинцию маргинальной формой имперского социума, поскольку без надежных провинций империя теряет свою жизнеспособность. Отсюда, интеллектуальный суверенитет провинции также не стоит интерпретировать как некий парадокс.

Для понимания суммарной парадигмы «провинциализм / провинциальность / провинция» точкой отсчета является позиция самого наблюдателя, которая и определит все возможные ракурсы (центростремительные / центробежные). Для провинциала в слове «провинция» уже содержится некая эмоция, некая ущемляемость, что как будто требует сопротивления, иными словами – существует латентная почва для преодоления противоречий альтернативы. Таким образом, именно здесь кроется аргумент, позволяющий увидеть черту между тем, что является центром, и провинциальностью.

Любая модель имперской идеи предстает в утопическом формате, т.к. содержит в себе «важнейший признак утопии – глобальный масштаб изображаемого и

социальный анализ» (Ковтун 1999: 76). В аспекте понятия «культурный ландшафт» невозможно категорически обозначить центр как четкое энергетическое ядро, поскольку в одном случае это будет речная дельта в пустыне (Египет), море (Римская империя), гора (Мцхета), равнина и т. д., а, кроме того, центр в исторически опасные периоды может даже быть географически «плавающим». Исходя из семантики, «центр» является теоретической меткой отсчета, нулевой точкой – с достаточно изменчивым контекстуальным радиусом. В метафизическом смысле таковую, в первую очередь, определяет четко обозначенная идея (религиозная, этническая, социальная, политическая и т. д.), т. е. ее возникновение и распространение связано с определенным географическим антропогенным «урочищем» (по формуле В. Топорова – см.: Топоров 1991). Именно урочище ведет наиболее активную борьбу за единство на почве такой идеи, пусть, как отмечается, и с весьма переменной активностью (Севастьянова 2000: 26-27). В этом плане провинция не может заменить собою центр, поскольку она не порождает никакой первоначальной согласованности, никогда не становится импульсом борьбы – иначе она перестает быть собственно провинцией, а становится чем-то себе противоположным, «новым началом» – если позволительна такая тавтология.

Любая империя до определенного времени предстает гармоническим равновесием между центром и несколькими (или и больше) провинциями, то есть имеет свой исторический период спокойствия, что позволяет даже в исключительно сложных условиях с успехом привлекать к преодолению кризисов человеческий ресурс из самых отдаленных провинций (это доказывают новейшие исследования по военно-исторической антропологии, которые проблемно сужают вектор взаимодействия человека и общества к исследованию экстремальных условий во время вооруженных конфликтов – Цеглеев 2008: 367-368). Однако, именно менталитет провинции может оказаться зерном абсолютно иной целостности, и эта не безопасная для империи предопределенность рано или поздно обнаруживает свое противостояние центру.

В частности, значение возможностей провинции в культурологическом плане заключается именно в ее *периферийности*, сформированной исключительным местом, его укладом и людьми, качественно иным, фактически замкнутым коммуникативным пространством. Как правило, именно провинция поставляет центру новые формы, которые центр затем приватизирует как свои собственные. Любая из провинций, которые вместе и составляют конкретный «образ» империи, первоначально характерным образом усваивает новую модель, насаждаемую на ее предварительный уклад имперским центром, благодаря чему формируется уже иная специфика, фактически в очередной раз порождая феноменальный провинциальный менталитет – как мы это видим, в частности, на примере входившей в состав различных империй или государств Буковины, культура которой оставила свой след в австрийской, еврейской, румынской, русской и украинской литературах. Все рецепторы имперского сознания более чутко работают именно тут, на

пограничье с «другим миром», с которым соседствует провинция и, соответственно, «чувствует» его отчетливей.

Парадокс в том, что такое положение провинции, ее изначальная вторичность по отношению к центру оказывается наиболее существенным и ценным в ее онтологическом предназначении. Исторический опыт свидетельствует, что стабильность провинциального уклада до определенного времени поддерживает иллюзию имперской устойчивости. Именно в такие периоды в провинциальном мире по инициативе столиц зарождаются соответствующие и разнообразные просветительские очаги, некоторые из них сохраняют жизнеспособность на протяжении столетий, успешно приспосабливаясь к новым условиям или даже их игнорируя, превращая маленькие города в значимые научные центры. Кроме известной, но во времена латинского Рима уже бытовавшей на маргинесах Афинской школы, существовали, к примеру, такие, как Антиохийская, среди учеников которой были знаменитые богословы Василий Великий, Григорий Нисский и Иоанн Златоуст. Т. Перфилова квалифицирует специфику таких восточных культурных центров как «византийский национализм». «Заметим, – пишет исследовательница, – что в Антиохии уже в первой половине IV столетия, задолго до распада территориальной целостности Рима (что произойдет в 395 г.), не изучались ни римские писатели и поэты, ни латынь» (Перфилова 2004:9). Однако, в средние века, уже в начале следующего тысячелетия, старейшие европейские университеты не одно столетие пользовались в основном латынью как языком преподавания далеко за пределами Рима. Кроме первого из пяти, основанных в XI-XIV ст. итальянских университетов, – Болонского (1088), связанного с именами Данте, Петрарки, Пико Делла Мирандолы, Николая Коперника и других, назовем также английские Оксфорд (1117) и Кембридж (1209), французскую Сорбонну (1215), испанскую Саламанку (1218), польский Ягеллонский (1364) и немецкий Гейдельбергский (1386) университеты, которые придерживались именно латинской традиции. Провинциальный «акцент» в истории университетов типичен, хотя практически не исследован. Безусловно, независимо от географического местоположения, университетский уклад следует относить к городской субкультуре. Факты свидетельствуют о том, что при благоприятных условиях определенного культурного периода именно провинция оказывалась и оказывается наилучшим источником студенческого контингента, благотворной средой для развития научной деятельности.

На пике империи постепенно становится привычной компрометация провинциального уклада, наблюдается стойкое неуважение и непонимание ее статуса, игнорирование ее способности быть автономным и качественным культурным «центром» в системе целостной имперской композиции, происходит стагнация провинциального мира как специфического продукта имперской идеологии. Именно это приводит потенциальные силы населения в движение по направлению к центру, и этот центростремительный синдром является весьма угрожающим симптомом. Все лучшее, вызревавшее в специфической однородности провинции, стремится в

центр, на ходу меняя формы коммуникации, приоритеты, амбиции, даже речь, что ослабляет и размывает рубежи, но на какое-то время укрепляет именно центр как определенное «соборное» интеллектуальное ядро. Если кризисы или экстремальные исторические события требовали от провинций в первую очередь людского ресурса, то времена стагнации активизировали ее интеллектуальный потенциал, вследствие чего осуществленные в историческом времени разнообразные модели провинций позже, со временем оказывались способными генерировать нарративы утопий – именно исчезающая провинция может превращаться в утопическую мечту об идеальном прошлом. Однако, ошибочно полагать, что распад некоей державной целостности не оставляет каких-либо позитивных следов. Как утверждает, «вопреки тому, что провинции в конечном итоге и уничтожили Рим, дух его, глубокий и могущественный, изменил их собственный облик» (Любимов 1980:312).

В исторической судьбе государств провинция, безусловно, имеет свою роль – позитивную или же не вполне доброкачественную, в зависимости от того, насколько она остается заинтересованной служить консервантом имперской идеи, т.е. от ее полностью корыстных устремлений к собственной цели. При этом вычленять стойкую типовую модель идентичности провинциальных топосов, разумеется, не имеет смысла, но исследователи при этом акцентируют один весьма существенный принцип взаимодействия между имперским управляющим центром и периферией – принцип структурной зависимости, подчинения, когда «собственный центр выводится за свои границы» (тезис М. Эпштейна), вследствие чего «формируется такой комплекс представлений о провинции, который лишает ее права на суверенность и подчиняет центру. В этом случае национальная культура соответствует образу копирующей провинции, в большей или меньшей степени она преувеличивает черты подражания и демонстрирует исходные (в секуляризированной культуре) из этого характеристики отсталости и невежества. Именно подобный образ, – по заключению Б. Ишкина, – обязан удерживать провинцию в подчинении» (Ишкин 2009: 313). В его интересном исследовании имплицитно прописан «стандартизованный комплекс представлений о провинции» как достаточно четкая рецептивная матрица: «а) представление про характер провинциала, включающий такие черты, как наивность, простота, узость и ограниченность, некомпетентность в самом широком смысле, такое же представление реализуется в зоонимичных метафорах; однообразие, отсутствие оригинальности, монолитность общества; церемонность, отсутствие естественных реакций, «претенциозность», подражательность, копирование; «фамильярность», отрицание дистанции в отношениях между людьми. Этими чертами провинциал наделяется независимо от того, находится ли он в местечке, или в столице; б) представления о занятиях провинциалов: сплетни, взяточничество, пьянство, творчество (поэзия, летописание и т. п.)» (Ишкин 2009: 317-318). Это, безусловно, некие шаблоны восприятия, которые могут быть справедливыми для отдельного случая, но решиться перенести этот вывод, скажем, на японскую провинцию было бы очень смелым делом.

Провинция моделирует имперский образец на уровне собственных отношений. Все имперские болезни четко высвечиваются именно в этой плоскости: организация власти, моральный кодекс (свой для каждого случая), коррумпированность, классовые взаимоотношения, образование, использование природных ресурсов и пр.

Механизм формирования империи осуществляется по тривиальной схеме континуума: это та или иная форма завоевания, на смену которой и в результате распада которой наступает новая, следующая форма завоевания. В историко-культурных исследованиях всегда акцентируется этот факт: «Биться, устанавливать римский порядок (что означало также и грабить) и строить – такой была миссия римлян. Что касается строительства, эта миссия была осуществлена в грандиозных масштабах, соответствующих величию империи. Новыми городами с прекрасными храмами, театрами, аренами и акведуками украсилась покоренная Галлия, Британия, Центральная Европа. Весь варварский мир, где прогремела железная поступь легионеров, ощутил влияние римской культуры. И эта же самая культура сменила древний Восток, дала ему новое ощущение своей силы, что обернулось против Рима» (Любимов 1980: 312-313).

Как известно, история средневековой Европы началась, когда варварский король Гейзер с вандалами разгромил величественный Рим, кроме Рима Афины и Коринф были разорены Аларихом. Но еще прежде этих событий начало самой римской культуры было «отмечено» страшнейшим погромом, который учинили солдаты римского консула Муммия в Коринфе, одном из известнейших греческих культурных центров.

Европейская история христианского времени была характерна многочисленными попытками создать нерушимую имперскую форму. Однако, периодически все заканчивалось тем, что статусные провинции распались на отдельные независимые государства, а империя отступала. Например, во второй половине XIX ст. на фоне кризиса Османской империи создался ряд совершенно новых государственных образований – таких, в частности, как Румыния (сначала на подвластных Османской империи землях в 1859 г. она скомпоновалась из Молдавского и Валахского княжеств в независимый союз, на основе которого в 1877 г. была провозглашена Румынией; в начале Первой мировой войны страна укрупнилась за счет самобытного княжества Трансильвания, которое в разные времена входило в состав многих европейских государств, была разменной картой во многих исторических конфликтах).

Совсем иная «провинциальная» основа у соседней с Румынией Буковины. Тут уникальный регион, который фактически никогда не изменял своего провинциального статуса, всегда включаясь в состав какой-либо из существующих на данный момент империй, и в этом смысле всегда отличался от тех мест, которые порой претендовали на центральную роль. Уникальность Буковины как провинциального урочища-ойкумены состоит в том, что она всегда была именно

окраинной провинцией, следствием чего был ее специфический многонациональный менталитет с таким исторически оправданным ферментом, как скептицизм по отношению к любой власти, закрытость перед чужими.

Думается, любая провинция всегда сумеет на собственном примере доказать свой интеллектуальный суверенитет, т.к. империи распадаются, а провинциальная жизнь идет своим чередом. Именно провинция – это торжество личностного вопреки законодательной «униформе». Как признавался один из гениальных провинциалов: «Вереница работ до конца погружена в ландшафт, в его осуществляемое пребывание. <...> Глубокая принадлежность собственной работы к Шварцвальду и к людям Шварцвальда происходит от вековой алеманско-швабской самобытности, и это не заменить ничем» (Хайдеггер 2008: 368-369).

Полнота реализации имперской идеи содержится в образе исторически детерминантного обитателя провинции, как жизнедеятельное и продуктивное рабство на службе всегда порочного государя, это гнет и, вместе с тем, вполне реальный факт интеллектуальной свободы.

Литература:

- Bivir, Mark. „Rol' Kontekstov v Ponimanii i Ob'yasnenii". Istorija ponyatij, Istorija Diskursa, Istorija Mentaliteta. Moskva: novoe literaturnoe obozrenie, 2010 (Бивир, Марк. „Роль контекстов в понимании и объяснении". *История понятий, история дискурса, история менталитета*. Москва: Новое литературное обозрение, 2010).
- Imperativ Provintsia. Chernivtsi: Chernivets'kij nac. un-t, 2004. (Императив provincia. Чернівці: Чернівецький нац. ун-т, 2004).
- Injushkin, Nikolaj. *Provintsial'naya Kul'tura: Vzglyad Iznutri*. Penza: 2004. (Инюшкин, Николай. *Провинциальная культура: взгляд изнутри*. Пенза, 2004).
- Ishkin, Boris. „Dinamika Predstavlenij o Provintsial'nom Gorode v Rossijskoj Kul'ture Novogo Vremeni". *Fundamental'nye Problemy Kul'turologii. T. 6: Kul'turnoe Nasledie: Ot Proshlogo k Budushhemu*. Moskva: Novyj hronograf, Ejdos. 2009. (Ишкин, Борис. „Динамика представлений о провинциальном городе в российской культуре Нового времени". *Фундаментальные проблемы культурологии. Т. 6: Культурное наследие: От прошлого к будущему*. Москва: Новый хронограф, Эйдос. 2009).
- Khajdegger, Martin. „Tvorcheskij Landshaft: Pochemu My Ostaemsya v Provincii?". *Istok Khudozhestvennogo Tvoreniya*. Moskva: Akademicheskij Proekt, 2008. (Хайдеггер, Мартин. „Творческий ландшафт: почему мы остаемся в провинции?". *Исток художественного творения*. Москва: Академический Проект, 2008).
- Kovtun, Elena. *Poetika Neobyčajnogo: Khudozhestvennye Miry Fantastiki, Volshebnaj Skazki, Utopii, Pritchi i Mifa (Na materiale evropejskoj literatury pervoj poloviny XX veka)*. Moskva: Izd-vo MGU, 1999. (Ковтун, Елена. *Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (На материале европейской литературы первой половины XX века)*. Москва: Изд-во МГУ, 1999).

- Kul'turnyj Landshaft kak ob'ekt Naslediya*. Moskva: Institut Naslediya; Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin, 2004. (*Культурный ландшафт как объект наследия*. Москва: Институт Наследия; Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2004).
- Lyubimov, Lev. *Iskusstvo Drevnego Mira*. Moskva: Prosveshchenie, 1980 (Любимов, Лев. *Искусство древнего мира*. Москва: Просвещение, 1980).
- Perfilova, Tat'yana. „«Stranstvuyushchie» Sofisty v Kul'turnom Prostranstve Provincii (na primere biog-rafii Libaniya)”. *Izvestiya Rossijskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta im. A. I. Gertsena*, № 7, t. 4, 2004. (Перфилова, Татьяна. „«Странствующие» софисты в культурном пространстве провинции (на примере биографии Либания)”. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, № 7, т. 4, 2004).
- Sajko, Elena. „Sotsiokul'turnyj Portret Rossijskoj Provintsii Serebryanogo Veka”. *Kul'tur-dialog filosofii i Iskusstva v Epokhu Serebryanogo Veka*. Moskva: RAGS, 2004. (Сайко, Елена. „Социокультурный портрет российской провинции Серебряного века”. *Культур-диалог философии и искусства в эпоху Серебряного века*. Москва: РАГС, 2004).
- Sevast'yanova, Alla. „Ritmy Samosoznaniya v Istorii Rossijskoj Provintsii”. *Metodologiya Regional'nykh Istoricheskikh Issledovanij*. Sankt-Peterburg: Notabene, 2000. (Севастьянова, Алла. „Ритмы самосознания в истории российской провинции”. *Методология региональных исторических исследований*. Санкт-Петербург: Нотабене, 2000).
- Toporov, Vladimir. „Aptekarskij Ostrov kak Gorodskoe Urochishche (obshchij vzglyad)”. *Noosfera i Khudozhestvennoe Tvorchestvo*. Moskva: Nauka, 1991. (Топоров, Владимир. „Аптекарский остров как городское урочище (общий взгляд)”. *Ноосфера и художественное творчество*. Москва: Наука, 1991).
- Tsegileev, Eduard. „Provintsiya kak Strukturnyj Komponent Sistemy Rossijskoj Imperii v Epokhu Napoleonovskikh Vojn (na primere Vyatskoj gubernii)”. *Izvestiya Rossijskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta im. A. I. Gertsena*, № 76-1, 2008. (Цеглеев, Эдуард. „Провинция как структурный компонент системы Российской империи в эпоху наполеоновских войн (на примере Вятской губернии)”. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, № 76-1, 2008).
- Vedenin, Yurij. „Problemy Formirovaniya Kul'turnogo Landshafta i ego Izucheniya”. *Izvestiya AN SSSR. Ser. geogr.*, no. 1, 1990. Веденин, Юрий. „Проблемы формирования культурного ландшафта и его изучения”. *Известия АН СССР. Сер. геогр.*, № 1, 1990.

O.V. Chervinska
(Ukraine)

The Intellectual Sovereignty of the Province

Summary

Key words: The province, kulture, sovereignty.

The province's ontology begins to crystallize quite well in the humanitarian field as a sociocultural phenomenon (see collective monograph: Imperative Provincia, Chernivtsi, 2014). The province is interpreted in the paradigm of the so-called imperial society, which assumes the center as the guiding criterion for all creative programs. We should remember that any of the empire has its own unique, always impressive «cultural composition», depending on historical time, geography and context, with its complex and special «cultural landscape» (Heidegger's paradigm) unthinkable without the province as such. The heterogeneity of imperial configurations has been proved by the presence of numerous historical examples – from Sumerian civilization to the present-day forms. In this case, our topic interprets a specific dilemma about the status of the province as an obligatory component in the formula of imperial composition. Hence, the phenomenon of the empire includes province as an expressive constant. Thus, the empire should be interpreted as an invariably functioning, «working model» of a certain configuration based on two stable components – center and periphery. The paradigm of the imperial model repeats the contour of the monotheistic model of the universe with various connections between the center and the most remote outskirts. Nevertheless, the intellectual sovereignty of the province should not be interpreted as a paradox. The significance of the province's potentialities on the culturological level lies precisely in its periphery, formed by an exceptional place, its way and people, a qualitatively different, actually closed communicative space. As a rule, it is the province that supplies the center with new forms, which the center then identifies as its own.

European history of Christianity was marked with numerous attempts to create a solid imperial form. However, the status provinces usually fell apart into separate independent states, whereas empires retreated. For instance, the crisis in Ottoman Empire in the second half of the XIX century has led to the formation certain completely new state formations like Romania. At first, in 1859, it was composed of Moldova and Walachia Principalities and was presented as an independent union, which in 1877 was declared as Romania. At the beginning of World War I, the country expanded its territories due to Transylvanian Principality that, at different times, was a part of various European states, as well as was put at stake in numerous historical conflicts. Bukovina (a close neighbor of Romania) has a quite different “provincial basis”. It is a unique area, which has never changed its provincial status. It has permanently been a part of some empire and, con-

sequently, differed greatly from the places that sometimes claimed to play a significant historical role. Bukovina's exceptionality, as a provincial Oecumene, lies in the fact that it has always been regarded as a "suburban" province. Consequently, it possessed a peculiar multinational mentality with such a historically justified enzyme as skepticism in regard with any political power. It is possible to assume that any province will always be able to prove its intellectual sovereignty on its own example, since empires tend to fall apart, while life continues. And it is province that is constantly considered as a victory of the personal despite a legislative "uniform". As M. Heidegger, an outstanding provincial, admitted: "his works had always been inspired by an everlasting Alemanian-Swabian originality". It seems rather strange that the imperial idea is frequently implemented through the image of a provincial resident, thus demonstrating vital and efficient slavery at the service of a vicious sovereign. This is oppression and, at the same time, a real creative factor of intellectual freedom.

ოლგა ჩერვინსკა
(უკარინა)

პროვინციის ინტელექტუალური სუვერენიტეტი

რეზიუმე

საკვანო სიტყვები: პროვინცია, კულტურა, სუვერენიტეტი.

პროვინციის ანთოლოგია, რომელიც ჯერჯერობით მხოლოდ მიახლოებით არის გააზრებული, საკმაოდ თვალშისაცემად დაილექა ჰუმანიტარულ სფეროში, როგორც სოციოკულტუროლოგიური ფენომენი (იხ. კოლექტიური მონოგრაფია: იმპერატივი პროვინცია, ჩერნოვცი, 2014). პროვინციის ინტერპრეტირება ხდება ე.წ. იმპერიული სოციუმის ნარატივში, რომელიც გვთავაზობს ცენტრს, როგორც ყველა შემოქმედებითი პროგრამის ხელმძღვანელ კრიტიკერიუმს. გასათვალისწინებელია, რომ ნებისმიერ იმპერიას გააჩნია თავისი განუმეორებელი, ყოველთვის შთამბეჭდავი „კულტურული კომპოზიცია“, რომელიც დამოკიდებულია ისტორიულ ეპოქაზე, გეოგრაფიულ მდებარეობასა და კონტექსტზე, თავისი უდავოდ რთული და განსაკუთრებული „კულტურული ლანდშაფტით“ (მ. ჰაიდეგერის პარადიგმა), რომლის გააზრება პროვინციის, როგორც ასეთის, გარეშე, წარმოუდგენელია. იმპერიული კონფიგურაციების მრავალგვარობა მრავალრიცხოვანი ისტორიული მაგა-ლითების არსებობითაა დადასტურებული – შემერული ცივილიზაციიდან მოყოლებული, თანამედროვე ფორმების ჩათვლით. მოცემულ შემთხვევაში, ჩვენი თემა იძლევა

პროვინციის, როგორც იმპერიული კომპოზიციის ფორმულის აუცილებელი შემადგენელი ნაწილის, სპეციფიკური დილემის ინტერპრეტირებას. იმპერიის ფენომენი საკუთარ თავში მოიცავს პროვინციას, როგორც გამომსახველობით კონსტატას. აქედან გამომდინარე, იმპერიის ინტერპრეტირება უნდა მოხდეს როგორც უცვლელად ფუნქციონირებადი, გარკვეული კონფიგურაციის „სამუშაო მოდელი“, ორი მყარი კომპონენტის – ცენტრისა და პერიფერიის ბაზაზე. იმპერიული მოდელის პარადიგმა პროვიდენციულად იმეორებს სამყაროს მონოთეისტურ მოდელს, სხვადასხვაგვარი კავშირებით ცენტრსა და უკიდურესად დაშორებულ პროვინციებს შორის. მიუხედავად ამისა, არ ღირს პროვინციის ინტელექტუალური სუვერენიტეტის ინტერპრეტირება, როგორც ერთგვარი პარადოქსისა. პროვინციის შესაძლებლობათა მნიშვნელობა კულტუროლოგიურ ქრილში სწორედ მის პერიფერიულობაშია; ის ჩამოყალიბებულია როგორც განსაკუთრებული ადგილი, სრულიად განსხვავებული ცხოვრების წესითა და ადამიანებით, ფაქტობრივად დახურული კომუნიკაციური სივრცით. როგორც წესი, პროვინცია აწვდის ცენტრს ყველა ახალ ფორმას, რომელთა იდენტიფიცირებასაც ცენტრი, მოგვიანებით, ახდენს, როგორც საკუთარისას. ქრისტიანული ეპოქის ევროპული ისტორია ურღვევი იმპერიული ფორმის შექმნის მრავალრიცხოვანი მცდელობებით ხასიათდება. თუმცა, როგორც წესი, სტატუსის მქონე პროვინციები ცალკეულ სახელმწიფოებად იშლებოდნენ, იმპერიები კი უკან იხევდნენ. მაგალითად, მე-19 საუკუნის მეორე ნახევარში, ოსმალეთის იმპერიის კრიზისის ფონზე, გაჩნდა მთელი რიგი ახალი სახელმწიფოებრივი წარმონაქმნები – კერძოდ, ისეთები, როგორებიცაა, მაგალითად, რუმინეთი (თავდაპირველად ოსმალეთს დაქვემდებარებულ მიწებზე, 1859 წელს, შეიქმნა მოლდოვისა და ვალაქიის სამთავროების დამოუკიდებელი კავშირი, რომლის საფუძველზეც, 1877 წელს, გამოცხადდა რუმინეთი, პირველი მსოფლიო ომის დასაწყისში ქვეყანა გაიზარდა ტრანსილვანიის დამოუკიდებელი სამთავროს ხარჯზე, რომელიც სხვადასხვა დროს არაერთი ევროპული სახელმწიფოს შემადგენლობაში შედიოდა და ბევრი ისტორიული კონფლიქტის საჯილდაო ტერიტორიას წარმოადგენდა.) სრულიად განსხვავებული „პროვინციული“ საფუძველი აქვს რუმინეთის მეზობელ ბუკოვინას. ესაა უნიკალური რეგიონი, რომელსაც ფაქტობრივად არასოდეს შეუცვლია თავისი პროვინციული სტატუსი, ყოველთვის, არსებული ეპოქის რომელიმე იმპერიის შემადგენლობაში იყო და ამ გაგებით, განსხვავდებოდა იმ ადგილებისგან, რომლებიც, დროდადრო, ცენტრად ყოფნის პრეტენზიას აცხადებდნენ. ბუკოვინის, როგორც საყოველთაო მიჯნის უნიკალურობა იმაში მდგომარეობს, რომ ის ყოველთვის განაპირა პროვინციას წარმოადგენდა, რისი შედეგიც იყო მისი სპეციფიკური მრავალეროვანი მენტალიტეტი, ისეთი ისტორიულად გამართლებული ფერმენტით, როგორიცაა სკეპტიციზმი ნებისმიერი ხელისუფლების მიმართ და ჩაკეტილობა უცხოთა წინაშე. ვფიქრობთ, ნებისმიერ პრო-

ვინციას, საკუთარი მაგალითით, ყოველთვის შეუძლია დაამტკიცოს თავისი ინტელექტუალური სუვერენიტეტი, რადგან იმპერიები ეცემა, პროვინციული ცხოვრება კი თავისი გზით გრძელდება. სწორედ პროვინცია, მიუხედავად საკანონმდებლო „უნიფორმისა“, წარმოადგენს პიროვნულის ზეიმს. როგორც მეოცე საუკუნის ერთ-ერთმა გენიალურმა პროვინციელმა, მ. ჰაიდგერმა აღიარა, მისი შრომები მუდმივად იყო შთაგონებული „საუკუნოვანი ალემანურ-შვაბიური თვითმყოფადობით“. პარადოქსულია, რომ იმპერიული იდეის რეალიზება ხდება პროვინციის მკვიდრის სახით, რომელიც წარმოადგენს უცვლელად მანკიერი სახელმწიფოს სამსახურში მყოფი, სიცოცხლისუნარიანი და პროდუქტიული მონობის დემონსტრირებას. ეს იწვევს წნეხს და, ამასთანავე, სრულიად რეალური და შემოქმედებითი ფაქტორია ინტელექტუალური თავისუფლებისათვის.